

Симонов Константин

Единоборство

(от специального корреспондента «Красной звезды»)

// Красная звезда. 1942. № 186, 9 авг.

Этот эпизод еще можно было назвать «Четырнадцать и одна».

Четырнадцать – это танки. Немецкие средние танки марки Т-3, образца 1939 года. 50-миллиметровая пушка, два пулемета, четыре человека команды.

Одна – это пушка. Русская, полуавтоматическая, 76-миллиметровая пушка. Когда мы говорим о пушке, это означает, что мы подразумеваем орудийный расчет – семь бесценных бойцов и их командира лейтенанта Илью Шуклина.

Биографию воина в наше суровое время принято начинать с первого подвига. Биография Ильи Шуклина только что началась. Но если говорить о предыстории её, то это будет обычный рассказ о человеке, родившемся двадцать лет назад в глухом алтайском селе Черный Ануй, о русском школьнике – сначала пионере, потом о комсомольце, сначала о зачинщике детских игр, потом о заядлом спортсмене. Это будет один из тысячи рассказов, в которых нет ничего особенного до той минуты, когда старый школьный учитель вдруг вспоминает вихрастого паренька, сидевшего на задней парте, и с гордостью говорит: «Да, он учился у меня в классе».

Шуклин кончал десятилетку в первые дни войны. Всю последнюю зиму ему хотелось скорее кончить школу. Артиллерийская музыка звучала в его ушах, черные петлицы с золотыми скрещенными пушками волновали его юношеское воображение. В его семье любили артиллерию. В артиллерии служил его дядя Терентий Шуклин, в артиллерийской школе учился его брат Андрей. Лучший его друг Иван Попугаев тоже скоро должен был стать лейтенантом артиллерии. В мае, перед самой войной, Шуклин одновременно получил письма и от брата, и от друга. «Давай к нам в артиллерию», - писали они, по-мальчишески уже чувствуя себя матерыми артиллеристами.

В первый же день войны, вернувшись из школы после очередного экзамена, Шуклин сел за стол и написал заявление, начинавшееся со слов: «Прошу принять меня...»

Так началась военная учеба. Какой длинной она казалась! Как мучительно было читать каждый день сводки с фронтов, а самому все еще ездить на полигон и все еще стрелять учебными снарядами по условным мишеням. Если бы это зависело от Шуклина и курсантов выпускали по одному, он бы, кажется, спал через день, чтобы кончить училище вдвое быстрее.

Был весенний день, но снега еще не стаяли. Поезд шел через снежную тайгу, через бесконечные сибирские станции и полустанки, все дальше на запад. В одном из вагонов ехал молоденький, только что выпущенный из училища лейтенант, с двумя новенькими золотыми пушечками на черных петлицах.

Впереди была война.

Человеку дано высокое право в минуту тяжелых испытаний чувствовать себя особенно необходимым родной земле, чувствовать, что именно его, лично его присутствия не хватает там, где в крови и огне решаются судьбы народа. Не поехать туда было бы невыносимо. Именно с этим святым юношеским чувством ехал Шуклин на фронт. И мысль о бездействии была для него несравненно страшнее мысли о смерти.

Сначала Шуклин попал на фронте в дивизию, стоявшую во втором эшелоне. Это была для него почти война, но все еще не война. В первых числах июля фронт придвинулся. Шуклину пришлось получить боевое крещение в тяжелые дни. Тяжело в двадцать лет, когда ты полон романтики и юношеского пыла, начинать свой боевой путь с отступления. Правда, дивизия по нескольку раз в день переходила в яростные контратаки, правда, она отходила последней, пробиваясь через вражье кольцо и сжигая немецкие танки, но отступление все-таки есть отступление, и Шуклину, который в эти дни почернел от пыли и оброс, первый раз в жизни было так тяжело.

Он вывел все свои пушки и всех своих людей, за исключением нескольких, павших на его глазах на поле боя. В эти дни он дрался много и жестоко, но в нем все еще не рождалось ощущение подвига, чувства, что он делает именно то, о чем мечтал в школе, к чему стремился, уезжая сюда, на войну.

Во второй половине июля дивизия твердо укрепилась на позициях и начала сразу наступать. Жить стало сразу как-то веселее. Если раньше, во время отступления, командуя своей батареей, Шуклин чувствовал только ненависть, только ярость, то теперь он впервые познал чувство упоения боем. А проходя то место, по которому бил, он мог, наконец, видеть результаты своей работы. Если раньше, после боя, в короткие минуты, вырванные для сна, он молча смыкал глаза и засыпал мгновенно, словно проваливался в бездонную черную пропасть, то теперь, как бы он ни устал, ему все равно хотелось перед сном поговорить о только что прошедшем дне, о вдруг вспомнившихся деталях боя.

И он замечал, что бойцы его тоже разделяли такое чувство. Впервые за все время они вечером, сев в кружок, мурлыкали песни, а командир орудия, заводила и плясун Акиншин, голосом изображал музыку.

Орудия много работали, как никогда, и однажды перед вечером явившиеся на батарею специалисты из полевой мастерской заявили, что без срочного ремонта из орудий стрелять опасно, а короче говоря – нельзя. Командир дивизиона приказал отвести орудия в рощицу, за ближайшую деревню.

Всю ночь и все утро ремонтировали пушки. А в двенадцать дня, в разгар ремонта, с передовых позиций стала слышаться все более ожесточенная канонада. Помощник командира полка, подскакавший на взмыленном коне, еще не слезая, спросил, в каком состоянии орудия, можно ли из них стрелять. Мастера сказали, что сейчас, в эту минуту, можно стрелять лишь из одного орудия, и то – тут они покачали головами, – не исключена возможность разрыва ствола.

- Ничего, - вдруг сорвался с места командир орудия сержант Акиншин. – Мое орудие не разорвется, я его знаю. Поедемте, товарищ лейтенант!

Но Шуклину уже не нужно было этого говорить. Он уже отдавал приказание о выезде на позицию. Помощник командира полка сказал, что немецкие танки, стремясь задержать наше наступление, пошли в контратаку и под рукой сейчас нет больше ни одного орудия, кроме этого.

Орудие прицепили к трактору, и трактор рванулся с места. Шуклина уже не было, он поскакал на коне вперед, чтобы выбрать позицию. С ним вместе поехал командир взвода лейтенант Мальцев. Шуклин выбрал позицию в густой ржи, на гребне холма, откуда расстилалась широкая панорама и был хорошо виден гребень соседнего холма, где, очевидно, и должны были появиться немецкие танки.

Шуклин нетерпеливо ждал орудия. Наконец, оно подъехало вместе с трактором, полным снарядов. Лейтенант установил пушку на позицию и снова верхом выехал на самый гребень. Именно в эту секунду он увидел на горизонте силуэты танков, двигавшихся к лежавшей слева деревне. Сначала он увидел десять, потом еще и еще. Все он насчитал тридцать. Один за другим они появлялись на гребне ближайшего холма. Это было очень заметное место – как раз на перекрестьи отмеченных на карте дорог. Шуклин сверил эту точку на местности и на карте, определили расстояние и прицел и с первого же снаряда зажег танк.

Танки шли на него фронтально, огибая высотку. Вслед за первым снарядом последовала целая серия. Сидя в двадцати метрах от орудия на коне, он корректировал стрельбу и непрерывно командовал: «Огонь!». Когда был подбит третий по счету танк, остальные экипажи засекли, очевидно, расположение орудия и с ходу открыли огонь. Снаряды рвались кругом. Орудие по приказу Шуклина мгновенно сменило позицию и снова начало стрелять. Потеряв еще несколько танков, немцы снова нащупали орудие. Теперь снаряды ложились совсем близко.

Шуклин продолжал корректировать огонь, не сходя с коня. Рожь была высока, и видеть поле боя как следует можно было только с коня. На десятом танке снаряды стали подходить к концу. Шуклин приказал водителю трактора Осадчему ехать в тыл, за километр отсюда, подвезти снаряды. Трактор пошел напрямик через открытое поле. Вокруг свистели осколки, но он тарахтел и шел. Значит, водитель был жив.

Тем временем Шуклин продолжал вести огонь. Осколком ранило в бедро командира взвода Мальцева и тут же вслед за ним наводчика Ромашева. Вместо него за панораму сел красноармеец Каюмов. Снаряды были уже на исходе, когда вернулся трактор с новым запасом. Осадчий вместе со связным красноармейцем Лончаковым стал подавать снаряды, и в эту минуту его тоже ранило в бок.

Впереди дымилось уже двенадцать танков. Остальные, развертываясь, стали уходить за бугор, но два из них, оставшись на высотке, теперь повели огонь уже не с хода, а с места. Надо было менять позицию, но обессилевший водитель неподвижно лежал во ржи. Шуклин в первый раз за все время боя слез с лошади. Прицепив орудие к трактору, он сам сел за руль и оттащил его еще за пятьдесят метров на новую позицию. В эту секунду подскакал связной из штаба дивизии.

- Кто здесь ведет огонь? – отрывисто спросил он.

- Я, - устало сказал Шуклин, вылезая из трактора.

- Командир дивизии приказал передать, что он благодарит! – крикнул связной.

Шуклин снова сел на коня, и опять загрохотали выстрелы. После нескольких удачных попаданий были подбиты еще два танка. В последний, четырнадцатый, попадание было особенно удачным, и он сразу вспыхнул.

Наступила минутная пауза. Потом сбоку из-за холма, прямо из ржи, выскочило пять немецких машин с пехотой. Они обогнули овраг и пошли прямо на орудия. Шуклин дал несколько снарядов, разорвавшихся впереди, а потом приказал Акиншину сразу перенести огонь назад, на край оврага.

Испуганные первыми выстрелами, немцы развернулись и задержались у края оврага. Здесь их и настигла целая серия снарядов. Только двум машинам удалось спуститься в овраг. Три, подожженные прямыми попаданиями, загорелись на месте.

Выстрел, которым была зажжена последняя машина, был последним выстрелом орудия. Предсказания мастеров наполовину сбылись: отказала полуавтоматика, перестал закрываться затвор.

Но сзади, из-за перелеска, показались, наконец, подходившие из тыла на помощь новые орудия.

Четырнадцать подбитых и зажженных танков были теперь хорошо видны на бугре. Одни еще дымились, другие просто темнели во ржи неподвижными темными пятнами.

Артиллеристы варят в котелках суп из молодой картошки. Вкусный дымок поднимается над котелками. Немецкая дальнобойная артиллерия обстреливает рощицу, и над свежими воронками тоже поднимается еще не рассеявшийся сизый пороховой дым. Мы сидим рядом с Шуклиным. У него озорные черные глаза и веселое, очень молодое лицо. Но оно вдруг делается по-мужски серьезным, когда он рассказывает о бое. В его лексиконе нет слова «подвиг». Может быть, даже то, что он сделал, он сам не считает подвигом, но по счастливому выражению глаз чувствуется, что этот бой был исполнением его желаний, самых заветных и самых сильных. Он вспоминает о том, ради чего ехал сюда, и его мальчишеское лицо сразу становится вдохновенным лицом мужчины и воина

А потом, задумавшись, он вдруг начинает вспоминать о событиях совсем недавних, не имевших отношения к войне, - о матери и отце, живущих в далеком городе Ойрот-Тура, о товарищах-комсомольцах их города Ойрот-Тура, где он был членом бюро райкома комсомола, и о девушке Вале Некрасовой, которая уехала на Дальний Восток в военно-морской флот, и последнее письмо прислала с дороги, из Новосибирска.

И мне хочется, чтобы, прочитав этот номер газеты, отец и мать Шуклина были горды своим сыном, чтобы комсомольцы Ойрот-Туры вспомнили своего товарища, на которого им нужно быть похожими, и чтобы девушка Валя Некрасова знала, что её любит настоящий хороший человек с верным глазом и крепкой рукой солдата.